УДК 34(470)”18”(045)

В.А. Чиркин

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА: ТОРЖЕСТВО РЕАКЦИИ ИЛИ ВРЕМЯ ПОИСКА ВЫХОДА ИЗ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В ПРЕДДВЕРИИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ 1861–1874 ГОДОВ?

Данная публикация начинает серию статей, посвященных проблеме осмысления характера и степени глубины преобразований, потрясших российское общество и государство уже на протяжении последних почти двухсот лет. Впрочем, нынешние преобразования грозят переменами куда как более масштабными и серьезными, в сравнении с предыдущей эпохой. Именно это обстоятельство вынуждает научную общественность более пристально взглянуть на историю российских преобразований, масштабы, которых, очевидно, сказываются ныне и еще более сильно скажутся в последующие времена. Мы пережили уже две масштабные модернизации: второй половины XIX века и начала XX-го; советскую модернизацию 30-60-х годов 20 века и входим, а по факту – уже вошли в третью – современную уже нам ныне. Предлагаемая статья посвящена периоду, предшествовавшему первой модернизации. И именно в деле поиска решений аграрного вопроса, который будет судьбоносным, определяющим на протяжении всего 19 века и сохранит свое значение в веке 20-м. Необходимо выяснить, в какой степени первая половина 19 века предопределила характер всех последующих, системных и основополагающих, преобразований. В данном случае речь идет о постановке проблемы истории российских модернизаций, осмыслении их неразрывной исторической связи и взаимообусловленности, пусть и в общем виде. Но рассмотрение их целостно и во взаимосвязях позволяет, на наш взгляд, определиться и с характером и последовательностью уже революционного процесса в нашей стране, глубиной и возможностями, рождающимися в самом характере этого революционного действа, и, реальными или на практике реализуемыми потенциями в плане экономического и социально-политического развития. Точнее – пределами самих этих возможностей соответствующего этапа исторического развития государства и общества, а заодно и его юридическим оформлением.

Ключевые слова: теория и история государства и права, крепостное право, крепостной, самодержавие, Александр I, Николай I, М. М, Спенранский, Н. П. Румянцев, конституционные проекты, «Уставная грамота Российской империи», Государственная Дума, Государственный Совет, Конституция, конституционные законы, декабристы, П. Д. Киселев, военные поселения, А. А. Аракчеев, министерство Государственных имуществ, беспоместные дворяне, дворяне, демография, внутренний рынок, внешний рынок, промышленный переворот, домонополистический капитализм, промыслы, отхожий промысел, национальная буржуазия.

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-554-562

Во всемирной истории демографический фактор и его колебания в последние десятилетия начинают играть все более значительную роль наряду с иными факторами, в плане содержания и качественных характеристик в развитии не только отдельных государств, но и в процессах регионального и даже глобального уровней. При этом вряд ли можно сомневаться в том, что сами эти колебания внятно связываются с уровнем, типом социально-экономического и культурного развития как отдельных государств, так и крупных регионов планеты. Причем, повсеместно. В отечественной историографии после событий 1991–1993 годов эта тенденция также начинает пробиваться в трудах наших отечественных специалистов [1, 4, 7]. А в последние буквально несколько месяцев текущего 2024 года – и в выступлениях крупных российских религиозных и общественных деятелей и даже политической элиты. Широкий общественный резонанс вызвали выступления патриарха Кирилла на Всемирном русском соборе, целый ряд заявлений зампреда Государственной Думы П. Толстого, а еще ранее – председателя Конституционного суда В.Д. Зорькина.

В плане представляемого здесь исследования также желательно обратить внимание, в т. ч. на демографические компоненты. [7; 9] Очень скоро выясняется, что по данным принятым в нашей специальной литературе, первый демографический рывок произошел уже в царствование Екатерины Великой. Население страны выросло с 20 до 36 млн человек. А в 1825 году, к концу царствования ее внука Александра Павловича, – до 53 млн. И, наконец, в 1856 году, к окончанию Крымской войны, почти до 72 млн. Подчеркну, что все это происходит до присоединения среднеазиатских ханств и при нескольких тяжелых вспышках холеры и чумы. При росте смертности, в совокупности почти вдвое, за всю первую половину XIX века. Иными словами, в течение 90 лет Российское государство переживает устойчивый рост народонаселения: в три раза с лишним! Естественно, возникает вопрос о

природе такого серьезнейшего прироста народонаселения, причем, почти равными практически частями во 2-ой половине XVIII в. и поровну – в правление Александра I и Николая I. В простые совпадения в столь серьезном вопросе ни один профессионал никогда не поверит. Особенно, в свете нынешней, довольно тяжелой для нашего Отечества, демографической ситуации, пусть даже и временной, в пределах 7-10 лет.

Ну что ж, посмотрим внимательнее. Какова структура населения и каково состояние промышленности и сельского хозяйства Российской империи в первой половине XIX века?

Так каким образом выглядела структура столь быстро растущего населения? Приблизительные подсчеты впервые были проведены профессором К. И. Арсеньевым на 1812 год. 10,5 млн помещичьих крестьян, 6,7 млн государственных, 750 тыс. удельных. Мещан – около 750 тыс. человек, да купцов – 119 тысяч. Дворяне, военные, духовенство и прочие давали в этот расклад чуть более 2 млн человек. Относительно крестьянства следует учесть, что крепостные с конца XVIII века и до отмены крепостного права составляли примерно половину всей массы крестьянского сословия. Точнее – от 53 до 50 % с небольшим. Но, на Севере, в Сибири их и вовсе не было. А вот сама крестьянская масса крепостных не была распределена равномерно по исторически старинным русским областям. К югу от Москвы, на богатых землях, удельный вес крепостных достигал 85 %!. Мы не берем здесь их распределение по другим землям европейской части России. На лучших землях здесь царила барщина. А это почти 56 % от общего количества крепостных крестьян. В остальных же коренных русских областях доминировали оброчные крестьяне, не менее 44 %. При том, что полный крестьянский надел составлял 6 десятин на черноземах и в нечерноземье – 8, но в последних барская запашка была минимальной, не превышала 25 – и даже 20 % [1, 5, 9].

В этих условиях, в феврале 1803 года, Александр Павлович даровал «Указ о вольных хлебопашцах» [7; 9], по которому к 1825 году выкупилось и было освобождено 47 тыс. домохозяев-крестьян, а к 1858 году – уже 152 тыс. Крестьян разрешалось освобождать с землей за выкуп, по договоренности с помещиками. Еще ранее, император прекратил раздачу казенных крестьян в собственность дворянам. Для сравнения. За 34 года своего царствования Екатерина Великая раздала дворянам более 800 тыс. душ крестьян, а ее сын Павел за неполных 6 лет – 600 тыс.!

В 1818–1819 гг. по поручению государя разработан был план [7], при участии А.А. Аракчеева, предусматривающий постепенный выкуп помещичьих, т. е. крепостных крестьян с наделом, казной, с ежегодным финансированием в 5 млн руб. Должны были быть выпущены казначейские билеты, приносящие процент, но дальше проекта дело не пошло. А. А. Аракчеев был переведен на организацию т. н. военных поселений. Кстати, сам А.А. Аракчеев идею сию не поддерживал, но подчинился приказу императора. Сию идею Александра I современники воспринимали как преступление против своего народа. Известно и то, что, несмотря на крайне негативную информацию по поводу творящегося в поселениях, император с упорством продолжал до самой своей кончины требовать продолжения этой «реформы». К концу правления последнего, в поселения перевели 375 тыс. государственных крестьян. Это примерно треть личного состава армии той поры. В итоге военные поселения себя не оправдали в силу бюрократизма и казнокрадства в самой системе управления и были упразднены в 1855 г. Заметим, что сам А. А. Аракчеев, в силу собственных личных и монархических убеждений, казнокрадом не был.

Несмотря на довольно скромные результаты решения аграрного вопроса в царствование Александра I, Николай I попытался преодолеть проблему [7; 9; 1; 5]. Или хотя бы снизить ее остроту. И в 1841 г. запретил продавать крестьян по одиночке и без земли, а с 1843 г.– приобретать дворянами крепостных в отсутствие земельной собственности. Чуть ранее была попытка решения аграрного вопроса путем проведения реформы в отношении государственных крестьян, которую реализовывал граф П. Д. Киселев. Для чего было даже создано Министерство государственных имуществ для попечительства над ними. А это около 7,5 млн душ. Планировалось благоустроить государственную деревню в хозяйственном, административном отношении и поднять доходы казны с этой категории крестьянства. И тем самым показать помещикам, как следует ныне управлять крестьянами ради своих экономических выгод и для спокойствия в государстве. Для этого волостное и сельское управления были построены на началах крестьянского самоуправления. Осуществляли частичное переселение этих крестьян в местности с относительно большим земельным фондом. Отводили дополнительные наделы для малоземельных, устраивали ссудно-сберегательные кассы, школы, больницы, предлагали агротехническую помощь. Но, при этом, ввели новые повинности, перевели их под опеку админи-

стративно-полицейских чинов и получили примерно тот же результат, что и в случае с военными аракчеевскими поселениями. Нельзя не заметить и того факта, что с 1833 по 1857 годы удельный вес крепостных, в массе российского крестьянства, сократился с 45 до 37,3 %. Зато во 2-й четверти Х1Х в. резко вырос слой отходников среди крестьянства. Численность таковых могла достигать в городах от трети до половины жителей. Здесь и торговля, и промыслы, и вольный наем.

Не менее знаковые процессы общего кризиса крепостнической системы отмечались и относительно самого помещичьего сословия [7; 9; 5; 1]. В России из 250 млн четвертей производимого зерна, 50 млн поступало на внешний и внутренний рынок, что составляло примерно 20 % от общего сбора зерновых. И 90 % его давали помещики. Действовали они по старинке. Увеличивали оброк и барщину со своих крепостных и сокращали их земельные наделы. Но хозяйственный эффект такой практики явно мог быть лишь кратковременным. Крестьяне разорялись, а само помещичье хозяйство деградировало. В результате обозначенных процессов, всего за 50 лет ощутимо возросло количество беспоместных и мелкопоместных дворян. В хозяйствах последних, в среднем, числилось менее 100 душ крепостных. Тех и других к 1860 г. насчитывалось почти 3/4 от всего господствующего сословия-класса. Это при том, что они суммарно владели лишь 20 % крепостных. Тем самым, беспоместные и немалая часть мелкопоместных дворян массово переходят в категорию разночинцев, пусть и привилегированную, но получающую доход от разного рода трудовой деятельности, живущую заработком. При этом, высшие и состоятельные слои дворянства имели до 1000 душ и более. Представляя 10 % своего сословия, они пользовались трудом трети крепостного крестьянства страны.

Но в целом, ситуация в этом сословии накалялась. За 20 лет до реформы 1861 г. количество заложенных в банки имений выросло более чем вдвое. В закладе находилось 66 % крепостных душ. Для сравнения. И.А. Булыгин по 1800 г. дает цифру лишь в 1 млн 350 тыс. заложенных помещиками душ мужского пола. А это – 15 % от всех крепостных страны [4]. Рост в 4 с лишним раза! И это уже качественный показатель. Навырост. В итоге, на момент смерти Николая Павловича, в 1855 г. мы имеем следующие демографические показатели: около 110 тыс. помещиков, 22 млн крепостных, частновладельческих крестьян, 20 млн государственных и 2 млн удельных крестьян. Интересная выстраивается динамика с учетом этих показателей и статистики, показанной проф. К. И. Арсеньевым от 1812 г. и времен реформы графа П. Д. Киселева в 1837-1841 гг.

А что в промышленности и на промыслах?

С конца XVIII века, а точнее, во второй половине столетия, в России стала подниматься капиталистическая мануфактура европейского типа, которая вырастала из крестьянских промыслов, от артелей и рассеянной мануфактуры [7;9]. И завоевывала она, в первую очередь, не тяжелую, а легкую промышленность. В том же Иваново-Вознесенском текстильном районе большинство мануфактурщиков, начиная аж с XVIII века: Грачевы, Бугримовы и прочие, были бывшими крепостными графа Шереметева. Именно эти ухватистые мужики из крестьян, да купцы-скупщики олицетворяли возникновение и развитие реального капитализма «английского образца». А разорявшиеся крестьяне, горожане, солдатские дети, отходники и безлошадные, разночинцы становились первыми пролетариями российского Нечерноземья. К началу XIX века растет число «вольных по паспортам и по кормежным письмам», работавших на мануфактурах, промыслах и на транспорте. Не лишне вспомнить и о том, что традиционно опекаемая государством горнозаводская промышленность включала в свой состав к концу XVIII века 655 предприятий только учтенных Мануфактур- и Берг-коллегиями. Суммарно, с учетом разного рода мануфактурных заведений, – это уже 2.294 предприятия. С 1725 по 1796 годы рост населения и промыслов и мануфактурной промышленности привел и к росту количества городов: с 336 до 634. Помимо крупных заводов на старинных землях Урала появились заводы и на Южном Урале. Определялось это большим спросом на металлопродукцию на внутреннем и на внешнем рынках. Строили их и такие вельможи, как Шуваловы, Воронцовы, и купцы-предприниматели, как Мясников, Твердышев и прочие. Трудились в основном посессионные крестьяне. У Демидовых и Твердышевых было много вольнонаемных, в т. ч. – уголовников. Таких владельцев даже формально трудно отнести к предпринимателям. Налицо внеэкономические методы хозяйствования.

И тем не менее, общее движение к капиталистическому производству очевидно [7; 8; 9]. Так, если в 1804 году, даже без учета горных заводов, в стране числилось 2.400 предприятий с 225 тыс. работников, то в 1825 – уже 5.260 при 345 тыс. рабочих. При этом, в хлопчатобумажном производстве рост в 3 раза, а работников – в 10 раз, сахарных заводов – в 5 раз при росте численности работающих в 16 раз, и более половины работников – вольнонаемные. Численность приписанных к казен-

ным и частным заводам достигала 312 тыс. человек. Дошло до того, что их стали переводить в число «непременных работников», либо освобождали от заводских работ и переводили в разряд государственных крестьян. С 1814 года покупка крестьян к заводам допускалась лишь с разрешения правительства, а то и вовсе запрещалась. Одновременно в стране наблюдалось внедрение новой техники и рост вольнонаемного труда, т. е. Россия начала входить в стадию промышленного переворота. Именно в это время русские промышленники начинают усиленно ввозить из-за границы усовершенствованные инструменты, орудия и машины. Если в 1815–1816 гг. их ввезли на 83 тыс. руб., то в 1825 – на 825 тыс.! О серьезном росте развития той же суконной промышленности России говорят цифры по поставкам сукна в казну в 1809 г. Обязанные фабриканты должны были поставить казне 316 тыс. аршин сукна, а вольные – 1 млн 347 тыс. Среди поставщиков – 60 чел. из дворян и 20–купеческого сословия, т. е. – треть. Помимо роста крупного производства в виде мануфактур и зарождения фабрик, в это время отмечен подъем в мелком, ремесленном и кустарном крестьянском промыслах. Развивается простая кооперация в деревне. В той же Владимирской области таких производств было около 300. И лишь четверть из них не использовала наемный труд работников, обходясь трудом членов семьи. Уже в первой половине XIX получает еще большее развитие процесс специализации в ходе распространения товарного и капиталистического производств. К примеру, в средней полосе России можно было наблюдать выраженную специализацию среди мелких товаропроизводителей и кустарей в городе, и, особенно – в сельской местности. Иваново – текстильное, Кимры – обувное, Павлово – металлургия и металлоизделия. Если часть из них представляли из себя базу для рассеянной мануфактуры, то остальные – это вполне самостоятельные производства. Следует отметить и тот факт, что если за весь XVIII в. в России возросло число городов с 336 до 634, то за последующую 2-ю половину XIX в., т. е. накануне реформ 1861-1874 гг., их насчитывалось уже около 1000. При том, что численность городского населения увеличилась в 2,2 раза, а это – около 8 % всего населения страны или около 6 млн чел.

Во 2-й четверти XIX в. рост числа промышленных предприятий продолжался. И с 5.123 в 1826 г. их количество увеличилось до 11.556 в 1856 г. В них было занято соответственно от 206.400 до 518.700 чел. Рост более чем в 2,5 раза. Но вольнонаемных среди рабочих уже более 87 %. По факту, в промышленности капиталистическая мануфактура вытеснила вотчинные и посессионные предприятия. Более того, растущее применение современных машин и механизмов привело к росту производительности труда в 2–4 раза [7, 9]. Даже при условии применения примерно одинаковой техники. Крепостной явно уступал в мотивации труду свободного человека. Разумеется, значение имел и отрыв бывшего крестьянина от родной и привычной ему среды обитания и условий существования. Отсюда и более качественные товары на выходе. Здесь быстрее внедрялись новые станки и оборудование. Самой передовой отраслью обрабатывающей промышленности стала к середине XIX в. хлопчатобумажная. Именно в этой отрасли более половины работников уже были вольнонаемными. Именно здесь проявил себя впервые промышленный переворот в нашей стране. Те же процессы были отмечены в сахарной, химической и писчебумажной отраслях. Уже в 40-х годах ввоз машин и станков возрос в 2,5 раза. Центром машиностроения становится к середине века Петербург. Более полутора десятков предприятий. В Центральном промышленном районе на базе развитых в прежние времена всевозможных промыслов, постепенно вырастают крупные промышленники и купцы в лице Ф. М. Варыпаева и И. Г. Завьялова. Крупные московские фабриканты Морозовы, Гучковы, Кондрашовы и др., вышли из бывших крепостных. И таких примеров довольно много. Подобные социальные процессы наблюдались и в городах. Фабрика и мануфактура начинают все сильнее теснить цеховиков и кустарей.

И несколько слов о правовом, точнее – процессуальном регулировании коммерческой деятельности. Речь о возникновении и развитии коммерческого судопроизводства в XIX в.[16; 11]. Следует признать, вслед за А.В. Михиным, что к началу XIX в. торговое право России находилось все еще в состоянии зарождения [16]. К этому времени система частого права, как и система российского права в целом, определялись низким уровнем своего развития. Как система, коммерческие суды в России появились в начале XIX в. Это определялось интенсивным развитием крупных торговых центров, наличием крупных сезонных ярмарок, развитием внешней торговли. Нужны были специализированные торговые суды. Первый коммерческий суд возник в 1808 г. в Одессе по аналогии с французским. Вообще, торговое законодательство 1-ой половины XIX в. в России, безусловно, шло за Торговым кодексом Франции 1807 г. Подобные суды вскоре появились еще в 9 городах. Однако даже к концу

XIX в. они сохранились лишь в Москве, Петербурге, Одессе и Варшаве. Замечено также, что в связи с проведением Судебной реформы 1864 г., приведшей к формированию гражданского законодательства, интерес к совершенствованию торгового права и процесса спал, так как акцент в ходе реализации реформы был сделан именно на гражданское право и процесс. В итоге возникли настроения о ненужности коммерческих судов. Тем не менее, коммерческие суды и торговое судопроизводство сохранились и сыграли известную положительную роль в сфере предпринимательской деятельности.

Решающую роль в развитии торгового права и процесса сыграл именной Указ Николая I об учреждении коммерческих судов и Устава их судопроизводства от 14 мая 1832 г. Сам Указ явился следствием деятельности М.М. Сперанского в т. н. Вексельном комитете, учрежденном еще 7 октября 1827 г. Им были разработаны Устав о векселях и законодательство о торговой несостоятельности с тем, дабы поставить твердые правила к ограждению кредита. В ходе этих работ и выяснилась необходимость создания в стране сети коммерческих судов. Особых судов с соответствующим законодательством для их эффективной деятельности. Опыт уже был. Таковые суды уже действовали, как уже было выше отмечено. А благодаря М. М. Сперанскому в основу их деятельности заложены были буржуазные принципы судоустройства и судопроизводства: выборность судей, в комбинации с их назначаемостью. М. М. Сперанский полностью отказался от прокурорского надзора. Ибо последний существенно бы замедлил рассмотрения дел. Лишив его главного достоинства – быстроты рассмотрения торговых споров. В 30-50-е годы XIX в. в России сложилась устойчивая и стройная система коммерческих судов, опиравшаяся на нормы торгового права и процесса. Устав торгового судопроизводства был полностью направлен на окончательное отделение торгового права и процесса от гражданского [16; 13].

Развитие промышленности, рост потребностей растущего товарооборота требовали улучшения транспортных возможностей страны. В первой половине XIX в., особенно в правление Александра I, основными торговыми путями выступали речные пути и грунтовые дороги. Москва, как важнейший экономический и логистический центр страны, впервые получает шоссейные дороги: с Петербургом, Харьковом, Нижним Новгородом и Рязанью. Уже в начале века были построены каналы, соединившие Каму с Сев. Двиной, Неман и Березину с Днепром. Были перестроены Мариинская и Тихвинская системы каналов.

Началось строительство пароходов. В 1813 г. на заводе Берда строится первый пароход. Через несколько лет пошли пароходы по Волге и Каме [15], построенные русскими техниками Г. Шестаковым и П. Чистяковым. Но и в судостроении наблюдается вмешательство казны. В 1803, 1817 гг. частные верфи были взяты в казну в Охте и на Ижоре, а в 1858 г. был построен крупный казенный пароходный завод в Кронштадте [14]. На Балтике и Черном море[11] строятся гавани, и получает развитие коммерческое судоходство. Большую роль в развитии морских и речных перевозок их организации и обеспечения сыграли Высочайше утвержденное дополнительное постановление о торговом судостроении и мореходстве от 12 февраля 1830 г. и Устав купеческого водоходства 1781 г. В.Ю. Ланцева справедливо отмечала, что финансирование судостроения инициировалось участниками внешнеэкономической деятельности из числа российских подданных при поддержке местных властей и Министерства финансов, кои по мере возможностей старались поддерживать позицию торгового сословия и защищать его интересы. В частности, по ее мнению, именно активное участие генерал-губернатора Новороссии в судьбе судовладельцев, наряду со своевременным субсидированием частного отечественного судостроения, и, введение новых средств обеспечения государственного займа, позволили уже к середине XIX в. начать продуктивно развивать российское судостроение на Черном и Азовском морях и обеспечить снабжение портов региона с помощью судов собственной постройки. А в 1846 г. по настоянию петербургского купечества ввели в оборот новые нормы по морскому страхованию в соответствии с иностранным законодательством. В итоге, Министерство финансов разрешило беспошлинный ввоз металлических изделий для оснащения судов, строящихся на наших верфях. Ввело рассрочку выплаты пошлин при покупке судов за границей и беспошлинный пропуск металлических морских судов.

Тем не менее, транспорт, транспортная связь развивались крайне медленно. Например, как показал в своем исследовании С.Л. Мельников [15], регулярное грузовое пароходное движение на Каме началось с 1846, а на Вятке – в 1861 г., пассажирское – с 1855 и 1873 гг. соответственно. Тем не менее, заметные подвижки в речном судоходстве начинают происходить ближе к 40-м годам XIX в., а в основном уже во 2-ой половине XIX–начале XX вв. Только на Волге ходило уже 300 пароходов,

сформировались первые пароходные общества. Было положено начало развитию железнодорожного транспорта. В 1851 г. открылось движение из Петербурга в Москву, протяженностью в 600 км. Строится линия Петербург-Варшава. Было продолжено строительство шоссейных дорог. Впрочем, Крымская война однозначно покажет всю отсталость николаевской России не только в степени развитости транспортных систем, но и по всему нашему экономическому, социальному и культурному спектру.

Следует, в связи с экономическими процессами 1-й половины XIX в., отметить мало упоминаемую финансовую реформу, проведенную одним из будущих учителей императора Александра II, Е.Ф. Канкриным [7]. Ему удалось устранить разрыв между серебряным и ассигнационным рублями, которые выросли аж до соотношения 1 к 3 и даже 1 к 4. Были введены кредитные билеты, которые подлежали свободному обмену: 250 руб. ассигнациями обменивались на 100 серебром. Сохранялись протекционистские тарифы. Финансовая система страны была стабилизирована, что положительно сказалось на отечественной экономике и торговле в целом. В частности, таможенные доходы казны выросли с 11 млн в 1824 г. до 32 млн в 1850.

И, наконец, необходимо обратить внимание на последний элемент медленно прорастающей новой капиталистической системы в рамках традиционной абсолютистской политической системы Российской империи в течение 1-й половины XIX в., помимо экономики и социальной структуры. Это элемент, который многие десятки лет как-то уходил в тень. Автор полагает, это следствие несостоявшегося провозглашения уже Александром II некоего подобия Конституции в 1881 г. Проект, который был выполнен по поручению императора М.Т. Лорис-Меликовым. Поэтому, следует хотя бы кратко проследить попытки высших властей Российской империи и ее внутренних оппонентов, каким-то образом разрешить очевидно и объективно назревающую задачу, разработки и введения в каком-то виде либо конституции, либо конституционных законов.

Россия на этом пути, в 1-й половине XIX в., предприняла три попытки [3; 8; 7]. В 1809 г. М. М. Сперанский представил императору «Введение к Уложению государственных законов». Предполагалось введение политических и гражданских прав, но при сохранении сословного принципа. Избирательные права предполагались у дворянства и лиц «среднего состояния»: купцов, государственных крестьян и др. Главное же, это реформа государственного управления империи. Учреждались выборная Государственная дума в качестве законодательной ветви власти, а также система губернских, окружных и волостных дум. Исполнительная власть поручалась министерствам, с губернскими, окружными и волостными управлениями. Все они ответственны перед законодательными органами. Сенат являл собой высшую судебную власть с системой судов на местах. Император наделялся широкими полномочиями, но четко очерченными. При нем создавался как совещательный орган – Государственный совет, состоящий из назначаемых государем лиц. По сути, вводилась конституционная монархия. Проект был высочайше одобрен, но не был введен в действие. В какой-то степени это было реализовано, хоть и не в полной мере (!), лишь через 97 лет.

Второй проект конституционного устройства под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» был разработан по поручению императора к 1820 г. Н.Н. Новосильцевым, после дарования конституции Царству Польскому в 1815 г. Опубликован он был поляками на французском языке в 1831 г. В России о нем знали очень немногие. Предполагалось ввести федеративный принцип государственного устройства. Законодательная власть была поделена между императором и двухпалатным парламентом – сеймом, как и в Польше (Сенат и Посольская палата). Гражданам империи (!) предоставлялись свобода слова, вероисповедания, печати, неприкосновенность личности. Но ничего не говорилось по поводу крепостного права [8]. Как можно видеть, второй проект несколько либеральнее, но это все та же конституционная монархия.

Третий проект конституционного обустройства России был предложен в 1823 г. декабристами [8]. На самом деле проекта было два. «Южное общество», в лице П.И. Пестеля, предложило проект т. н. «Русской правды», а «Северное общество» – Конституцию, разработанную Н.М. Муравьевым. При этом, проект Муравьева действительно представлял собой конституцию. А проект Пестеля в виде «РП» был все же наставлением для временного правительства, которое должно было быть назначено после восстания летом 1826 г., в ходе планировавшихся больших маневров на базе 2-й армии, с участием императора. Проект Муравьева рассматривал форму правления в России как конституционную монархию с ликвидацией крепостного права при сохранении помещичьего землевладения. А проект Пестеля предполагал республиканскую форму правления. Но главное отличие здесь в том, что Пестель выступал, в отличие от Муравьева, за ликвидацию крупного и отчасти среднего помещичье-

го землевладения, за передачу не по 2 десятины на крестьянина, а за наделение крестьян общинными, государственными, удельными, церковными и конфискованными помещичьими землями. При этом половина земли в каждой волости должна была находиться в частной, а половина – в общественной собственности. Очевидно, что дворянство вряд ли бы поддержало подобные проекты, по сути, за счет своего землевладения. А крестьянство в своем большинстве в эту эпоху было буквально пропитано монархическими представлениями, отличалось неорганизованностью и социально и культурно отчуждалось от дворянства. По факту, восстанавливая против себя подавляющую часть первого сословия империи, декабристы подписывали себе смертный приговор [7].

Совершенно определенно можно заявить, касаемо проектов декабристов, Пестеля в особенности, социальной базы под столь радикальное переустройство государства и общества еще не было. Решиться на конституционные преобразования в этих условиях, мог только император. И при условии крайней умеренности самих этих преобразований. Из трех, а по факту четырех проектов, максимально реалистичным можно воспринимать лишь проект М.М. Сперанского. Проект Н. Н. Новосильцева, основанный на примере дарованной свыше, октроированной польской конституции, даже он, для России тех лет, не мог быть реализован.

В этом же направлении, а по факту почти одновременно, провели в 1803 г. реорганизацию системы учебных заведений на принципах преемственности и бессословности. Было создано еще 5 университетов в дополнение к Московскому (1755). Русисты сходятся в одном, конституционные проекты отрицались и основной массой дворянства и бюрократией [3; 5; 7–10; 17; 19], но уже с самого начала XIX в. можно наблюдать довольно любопытное совпадение. И Александр, и Николай Павловичи постоянно перемещаются в своих попытках реформирования между разрешением конституционного вопроса и вопроса смягчения и даже отмены крепостного права. А с 1803 г. регулярно обращаются к теме народного просвещения и высшего образования. Иными словами, понимают необходимость воспитания светски образованного, грамотного, в широком смысле слова, поколения. Эта же тема постоянно будет присутствовать «в верхах» на протяжении всего XIX и начала XX века.

В чем же проблема? В самой невозможности отойти от сословного принципа! Все, без исключения, реформы, вплоть до 1917 г., вязли, либо вообще отметались, именно по этому базовому для правящего класса-сословия фундаментальному основанию. По этой же причине даже Николай I, безусловно обладавший несокрушимой волей, не сумел добиться серьезных подвижек ни в одном своем начинании. Это хорошо видно на примере деятельности и результатов оного, его повелением созданного секретного комитета от 6 декабря 1826 г. Результаты были. Иной раз вполне серьезные, но лишь в той части, когда они не затрагивали заметным образом интересов и привилегий дворянства напрямую [3]. Основание к такому выводу? Манифест от 6 декабря 1831 г., допускавший к выборам на значимые общественные должности тех помещиков, которые имели в пределах обозначенных губерний поместья с числом душ не менее 100 или незаселенные земли от 3 тыс. (!) десятин. Как и закон 1845 г. о военной службе, резко ограничивший потолок приобретения дворянского достоинства получением старшего офицерского звания либо гражданского, начиная с 5-го класса, а не 8-го, как было ранее.

Таким образом, происходящему со 2-й половины XVIII в. и продолжающемуся всю первую половину XIX в. неспешному подъёму в промышленности, в рамках традиционного переходного от феодализма к капитализму общества, и, едва начавшимся структурным переменам в сельском хозяйстве [20] и социальном строе страны, все более ощутимо и очевидно начинают мешать общая экономическая отсталость страны и теряющее перспективу и былые господствующие экономические позиции дворянство. Политические позиции дворянства все еще незыблемы, хотя само сословие и начинает терять социальную и экономическую монолитность. В «обществе» зарождается объективная потребность конституционных перемен в деле выработки более эффективной модели развития самого государства и отказа от самодержавной формы правления под растущим бременем института крепостничества [19], становящегося главным тормозом прогресса в самой Российской империи на фоне ускоряющегося позитивного и всеобъемлющего капиталистического развития Европы, уже выходящей из стадии промышленного переворота [19]. Явно выраженная узость внутреннего рынка, вследствие низкой покупательной способности населения, в лице нищающего и разоряющегося крестьянства и недостаток наемных рабочих, т. к. в большинстве своем эти, даже вольнонаемные по паспортам и кормежным письмам, никто иные, как те же государственные или помещичьи крестьяне. Они ушли из деревни, но деревня все еще не ушла из этих бывших крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В.А. Российское крестьянство в середине XVII-середине XIX вв. // История крестьянства в Европе. Т. 3. Гл. 16. С. 307-353.
2. Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): автореф. дис. … канд. наук. Саратов, 1990. 23 с.
3. Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. Саратов: Саратовский ун-т, 1985. Ч. 1. 222 с.
4. Булыгин И.А. Социально-экономическое развитие России в XVIII веке // История Европы. Т. 4. Ч. 3. Гл. 3. С. 272-295.
5. Выскочков Л.В. Император Николай I в отечественной историографии XIX-начала XX веков // Средневековая и новая Россия: сб. науч. статей. СПб., 1996. С. 542-555.
6. Зуев Н.И. Комитет министров России в первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.
7. История России / Под ред. С.В. Леонова. М.: Дрофа, 2002. Гл. 6. / Л.М. Ляшенко, М.М. Куриев.
8. История России / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб, 1992. Разд. 6. С. 174-242.
9. История СССР: с древнейших времен до 1861 года. Т. 1. / Под ред. Епифанова П.П., Мавродина В.В. М.: Просвещение, 1983. Гл. 18, 20, 21.
10. Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2005. Ч. 5. С. 838-890.
11. Ланцева В.Ю. Правовое регулирование торгового мореплавания в Российской империи XIX – начала XX вв.: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2017. 27 с.
12. Лукашевич М.Б. Эволюция формы российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 21 с.
13. Лядащева-Ильичева М.Н. Развитие обязательственного права России XIX-начала XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 23 с.
14. Махлай М.Ф. Зарождение и развитие системы государственных предприятий обрабатывающей промышленности России в XV – начале XX вв. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб–Ижевск.: Институт управления и экономики УдГУ, 2002. №1. С.97-115.
15. Мельников С.Л. Речной транспорт Камско-Вятского бассейна во второй половине Х1Х в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 20 с.
16. Михин А.В. Возникновение и развитие коммерческих судов в Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород,, 2005. 31 с.
17. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: КРИСТАЛЛ, 1998. Ч. 3. С. 721–782.
18. Рубаник В.Е. Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2004. 48 с.
19. Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. Уч. пособие. Кн. 3. / Под ред. Худокормова А.Г. М.:МОСГОРАРХИВ, 1995. 223 с.
20. Яковкина Н.И. К вопросу об участии дворян в экономической жизни России 1-ой половины XIX в. // Средневековая и новая Россия: сб. науч. статей. СПб., 1996. С. 593-603.

Поступила в редакцию 12.03.2024

Чиркин Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

V.A. Chirkin

THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: A TRIUMPH OF REACTION OR A TIME OF SEARCHING FOR A WAY OUT FROM THE SYSTEMIC CRISIS PRIOR TO THE RUSSIAN REFORMS OF 1861–1874?

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-554-562

This publication begins a series of articles devoted to the problem of understanding the nature and depth of the transformations that have been shaking Russian society and the state over the past almost two hundred years. However, the current transformations threaten changes that are much larger and more serious in comparison with the previous era. It is this circumstance that forces the scientific community to take a closer look at the history of Russian transformations, the scale of which is obviously affecting us now and will have an even stronger impact in subsequent times. We have already experienced two large-scale modernizations: the second half of the 19th century and the

beginning of the 20th century; Soviet modernization of the 30-60s of the 20th century, and today we are entering, but in fact we have already entered the third - modern to us. This article is devoted to the period preceding the first modernization. And it is precisely in the search for solutions to the agrarian issue, which will be fateful, determining throughout the 19th century and will retain its significance in the 20th century. It is necessary to find out to what extent the first half of the 19th century predetermined the nature of all subsequent, systemic and fundamental transformations. In this case, we are talking about posing the problem of the history of Russian modernizations, understanding their inextricable historical connection and interdependence, albeit in a general form. But considering them holistically and in interconnections allows us, in our opinion, to determine the nature and consistency of the already revolutionary process in our country, the depth and possibilities born in the very nature of this revolutionary action, and the real or practically realized potential in terms of economic and socio-political development. More precisely, the limits of these very possibilities of the corresponding stage of historical development of the state and society, and at the same time its legal registration.

Keywords: theory and history of state and law, serfdom, serf, autocracy, Alexander I, Nicholas I, M.M, Spenransky, N.P. Rumyantsev, constitutional projects, “Charter of the Russian Empire”, State Duma, State Council, Constitution, constitutional laws, Decembrists, P.D. Kiselev, military settlements, A.A. Arakcheev, Ministry of State Property, landless nobles, nobles, demography, internal market, foreign market, industrial revolution, pre-monopoly capitalism, trades, waste trade, national bourgeoisie.

Received 12.03.2024

Chirkin V.A., Doctor of History, Professor at Department of Theory and History of State and Law
Institute of Law, Social Management and Security
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: naukaipsub@mail.ru